

ШКОЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Елена Усачева

Три желания
для золотой рыбки

Только для девчонок

Елена Усачева

Три желания для золотой рыбки

«ЭКСМО»

2013

Усачева Е. А.

Три желания для золотой рыбки / Е. А. Усачева — «Эксмо»,
2013 — (Только для девочек)

«Тобой интересуется один человек», – сказала однажды девочка из параллельного класса. Но Лера и сама уже заметила высокого темноволосого парня, следящего за ней издали. Если он хочет познакомиться, то почему не подходит? Что означают его длинные взгляды, странные поступки, непонятная записка? Скорее всего, это глупый розыгрыш, попытка посмеяться. Или все-таки нет?..

© Усачева Е. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елена Усачева

Три желания для золотой рыбки

©Усачева Е., 2013

©Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая

Слухи и сплетни

– Гараева, о чем мечтаешь?

Майкл Махота бесцеремонно плюхнулся на подоконник, отодвинув Леру в сторону. Как будто ему подоконников в классе было мало! Вон, еще две плоскости скучают по задам девятиклассников. Нет, обязательно ему надо падать на подоконник, который облюбовала Гараева.

– Тобой кое-кто интересуется.

Любая другая замучила бы Майкла вопросами, но Лера даже бровью не повела, только глаза ее еще больше потемнели, да в окно она стала вглядываться внимательнее прежнего. Она ждала. Если разговор был начат, он будет закончен. А если договаривать не захотят, значит, не хотели этого с самого начала. Уговаривать бесполезно. С мальчишками лучше не канючить, только хуже сделаешь. Чем больше невнимания, тем больше информации.

– Вот уж не думал, что ты кому-то понадобишься... – тянул Махота, продлевая удовольствие владения тайной.

Не скажет...

Лера вздохнула. Скучные они, эти мальчишки... Такие примитивные...

– Слушай, какая-то ты отмороженная, – прыгнул с подоконника Майкл. – Могла бы хоть отреагировать. Интересно тебе или нет. Что молчишь?

– Ты хотел что-то сказать? Говори, – медленно повернула голову Гараева.

– Короче, – нахмурился Махота, успевший пожалеть, что вообще подошел к этой «Lady of ice», «женщине из льда», а по-простому – «мороженому», как ее окрестили в первую же неделю пребывания в их тогда еще 8-м классе, куда Гараева поступила, приехав с родителями из Махачкалы. – Маканина из «Б» о тебе спрашивала. Ну, знаешь, такая, с большими губами, рыжая. Ну, такая, с прибабахом, – закончил свое описание Махота. – Чего хочет – непонятно. Надо – разберешься сама.

Маканина...

Майкл ушел, смотреть в классе больше было не на что, и Лера снова отвернулась к окну.

Ах, ну да! Маканина! Рыжая. Имя у нее еще такое интересное... На что-то похожее... Что-то из Бунина... Точно! Олеся. Что, интересно, ей нужно?

Ее размышления прервал звонок на урок. Начиналась математика.

У алгебры были все шансы стать любимым предметом многих. Но вел ее уже второй год Юрий Леонидович Червяков, человек, хорошо разбирающийся в своем предмете, но не умеющий его преподавать. Юрию Леонидовичу вообще многое не стоило делать из того, что он делал – ни учителем быть, ни в школе работать. Но из какого-то странного упрямства Червяков делал и то, и другое. И теперь которое уже поколение школьников вынуждено было слушать скучнейшие объяснения теорем и основных законов математики, сидя на невообразимо занудных уроках Юрия Леонидовича. Честное слово, в учебнике все объяснялось интереснее.

– Лерка, ты что в окно уставилась? – зашептала Аська Репина, сильно перегибаясь через парту. – Тебя сейчас Червяк насквозь взглядом прожжет.

Гараева вздрогнула, мысленно возвращаясь обратно за свою парту.

– А поскольку контрольная написана не бог весть как... – Юрий Леонидович кивнул, отмечая ответный взгляд Леры, и пошел к своему столу. – То мне придется повторить основные положения пройденной темы... Открыли тетради. В учебнике найдите упражнение 261. К доске пойдет Константинов.

– Зачем к тебе Махота подходил? – не успокаивалась Репина. – Чего хотел?

– Так, ерунду нес, – дернула плечом Лера. – Майкл, как всегда, хочет быть в самой гуще событий.

– А ты слышала, что у бэшек творится?.. – быстро шептала Ася. – Жеребцова говорила... Потолок над ними дрогнул.

– Ой, – схватилась за сердце толстая впечатлительная Светка Царькова, роняя ручку. Наверху опять что-то упало, несколько раз сильно топнули.

Все вопросительно посмотрели на Юрия Леонидовича, но тот продолжал изучать журнал, словно более интересного занятия, чем рассматривание фамилий девятиклассников, в мире сейчас не существовало.

– Что это? – пробормотала Светка, и Червяков поднял на нее глаза.

Судя по топоту, наверху пронесся маленький табун, упало несколько стульев.

– Пошла реакция, – мрачно пошутил Константинов, откладывая мел.

– Это же кабинет химии, – привстал со своего места Махота. – Там сейчас чер... – Он замолчал, испуганно глядя на математика, и тут же исправился: – 9 «Б».

Червяков был классным руководителем бэшек. У них, у ашек, классной была химичка Людмила Ивановна. И как раз в кабинете химии сейчас что-то и происходило.

Юрий Леонидович покосился на потолок. Но сверху уже не раздавалось ни звука: топот теперь сотрясал лестницу. Шума было столько, как будто половину школы неожиданно отпустили по домам.

– Можно посмотреть? – вопросительно глянул на учителя Майкл.

– Решайте упражнение, я сейчас. – Математик стремительно пересек класс и скрылся за дверью.

– Ничего себе шарахнуло! – Махота тут же сорвался с места. – Что у них там такое?

– Неудачный эксперимент, – хмыкнул Константинов. – Эй, народ, что тут писать-то?

– Уравнение выводы, – с готовностью подсказал с первой парты отличник Митька Пращичкий.

– Так что он тебе сказал? – Ася ни на секунду не теряла своего интереса. Упав на нее крыша, она и тогда сначала выяснит то, что ей нужно, и только потом начнет разбираться с разрушениями.

– Погоди!

Лера опять смотрела в окно. В какой-то момент ей показалось, что математик не пошел наверх к своим подопечным, а позорно сбежал из школы. И если это так, то он должен появиться под окном их класса.

Хлопнула входная дверь. На улицу выскочило несколько бэшек и потрусило в сторону калитки.

– Ну, что ты? – не выдержала Репина, вытягивая шею в сторону окна. – Почему ты молчишь?

На ступеньках снова кто-то появился. Лера пригляделась. Да, да, это была та самая девочка из параллельного, о которой ей говорил Махота.

Маканина!

Привстав, Гараева стала следить за ней.

Олеся никуда не торопилась. Вышла на крыльцо, постояла, устало пиная сумку ногой, запрокинула голову.

В воздухе кружились редкие снежинки.

– Эй, ты куда? – Ася все еще пыталась увидеть на улице все то, что уже целых полчаса рассматривала ее соседка. Но никого, кроме Олеськи Маканиной, она не замечала. Не из-за нее же Лера ломанулась посреди урока из класса? Или она побежала наверх, узнавать новости? Ой-ой-ой, если она столкнется с Червяковым, быть ей битой.

Но Гараева не собиралась встречаться с математиком. Она спешила на улицу. Почему-то ей захотелось все выяснить именно сейчас. Да и случай какой подходящий – Маканина одна, ее не надо вытаскивать из класса, а потом всем объяснять, зачем ты это делаешь.

Дверь открылась легко и бесшумно. Снег смягчил звук шагов.

– Ты меня искала?

Маканина не ожидала, что за ее спиной кто-то окажется, поэтому повернулась резко. И тут же поморщилась. Видимо, она надеялась увидеть кого-то другого.

– Да, – сухо ответила Олеся, во все глаза разглядывая Леру. – Тобой интересуется один человек.

– А почему через тебя?

Один человек? Как забавно... Гараева представила, кто бы это мог быть.

Кто-то, кто знает и Маканину, и ее. Кто-то, скорее всего, из бэшек, иначе не искали бы через Олеся.

Точно! Догадывается она, что это за человек! Высокий, темноволосый, красивый. На всех переменах он сидит в холле на подоконнике и слушает музыку. И всегда провожает ее долгим взглядом. А если им случается столкнуться в коридоре, он внезапно замирает, словно видит перед собой не простого человека, а как минимум горгону Медузу, одним взглядом превращающую людей в камень.

Интересуется, значит? Хорошо... А почему же он сам не подошел? Зачем подсылать кого-то другого? У него с этой Олесей что, роман?

Лера вглядывалась в лицо Маканиной. Крупные черты, большие полные губы, уверенный подбородок, густые брови над большими, чуть нависающими глазами. А во взгляде – раздражение.

– Не знаю, – вздохнула Маканина, отворачиваясь. – Я больше ничего не знаю.

– Высокий, с темными волосами? – Начала быстро перечислять приметы Гараева, боясь, что Олеся не станет ее слушать и уйдет. Какое ей может быть дело до чужих проблем, когда у самой, судя по всему, забот полон рот. – Смотрит внимательно?

– Смотрит, – согласилась Маканина, поглядывая в сторону калитки.

– Ты ему кто? – Своими вопросами Лера не давала Олесе уйти.

Маканина снова резко повернула голову, зло сузила глаза.

– Никто. Просто он попросил помочь.

– Помочь в чем?

Лера чувствовала, что задает не те вопросы: Маканиной сейчас не до нее, голова у нее забита чем-то другим. А тут еще этот грохот в кабинете химии, топот ног. Что же у них там произошло?

Где-то под крышей стукнуло окно, послышался звон бьющегося стекла. Но Олеся не слышала этого. Она с ненавистью смотрела в лицо Леры. Гараевой на секунду показалось, что та хочет ударить ее.

– Подойди к нему и поговори сама! – закричала Маканина, пятясь. – Что вы все через меня-то делаете? Я вообще ничего не знаю!

От ее крика Лера качнуло назад. Мгновение она во все глаза с удивлением смотрела на Олеся, а потом бросилась обратно в школу.

Кто такая эта Маканина, что кричит на нее!

Уже протягивая руку к двери, она посмотрела вверх.

В окне третьего этажа торчала довольная физиономия Репиной.

Так, от расспросов теперь никуда не деться. Замучает ее Репина, а все узнает.

Школа жила какой-то своей, странной, напряженной жизнью. На верхних этажах слышался шум, по лестнице бегали. Это было непривычно. Обычно во время уроков в коридорах стоит тишина.

Гараева поднялась на третий этаж. Дверь кабинета математики была открыта, оттуда слышался гул голосов. Лера облегченно вздохнула – учитель еще не вернулся, при нем такого ора не стояло бы, Юрий Леонидович не переносил посторонних разговоров во время занятий.

Уже почти дойдя до своего места, Гараева с удивлением заметила Червякова. Он сидел за столом, задумчиво изучая журнал, кончик карандаша медленно бродил по списку учеников. Выглядело это так, словно математик решал, кого вызвать к доске, и не мог выбрать.

Заметив движение около доски, Юрий Леонидович вяло поднял голову, посмотрел на Леру... и ничего не сказал.

– Где тебя носит? – сразу придвинулась к ней Ася. – Ты почему на улицу помчалась? Свежим воздухом подышать захотелось?

– Что здесь?

Ася победно оглянулась – это был ее звездный час. Что может быть сладостнее владения информацией? Конечно, Репина потянула бы часочек-другой, не стала бы с ходу все рассказывать. В этом было некое удовольствие владения тайной. Но ту же самую тайну мог рассказать Лере кто-нибудь другой, поэтому Ася не стала длить паузы.

– У червяков в классе на уроке химии случилась драка, – доложила она. – Раковину раздолбали, пробирок наколотили уйму.

Червяками звали класс «Б». Юрия Леонидовича назначили к ним в классные руководители в прошлом году, и с этого же времени за его подопечными закрепилась эта нелицеприятная кличка. То ли из-за самого Червякова, то ли по каким-то другим причинам, но их параллель жила в постоянной вражде. Не было ничего страшнее совместных уроков физкультуры, когда начиналась какая-нибудь командная игра, волейбол или вышибалы. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. В коридорах классы «А» и «Б» тоже старались не встречаться. Только редкие парламентарии в лице Махоты или Жеребцовой пересекали полосу отчуждения и разговаривали с кем-нибудь из червяков. Но это был всего лишь обмен необходимой информацией, дружеские отношения между классами не приветствовались.

Произошедшее с червяками восприняли не сочувственно, а со злорадством – «минус» им, «плюс» нам.

– С чего это вдруг? – Лера еще переживала свой недавний разговор с Маканиной, поэтому сообщение Аси доходило до ее сознания с трудом.

– Да там одного из школы выгнать хотели. Галкин, ты его не знаешь. Так он решил напоследок себя показать.

– Он с ума сошел? – От удивления у Леры округлились глаза. – Его же теперь ни в какую другую школу не возьмут!

– Нужна ему другая школа, – махнула ладошкой Ася. – Что, он не найдет чем заняться?

– Да что ты мелешь! – раздалось у подружек за спиной. Там сидела негласная королева класса Наташка Жеребцова. – Мне Лизка Курбаленко из «Б» рассказывала. Это Галкин из-за любви все вытворяет. Влюбился и теперь буянит.

– Зачем буянить из-за любви? – пожала плечами Гараева. В голове ее мелькнула мысль, что осень для червяков выдалась урожайная на влюбленности. Галкин... И вот теперь – этот неизвестный... На секунду Лера пожалела, что никогда не интересовалась параллельным классом. Второй год в этой школе, а так и не знает, как кого зовут.

– Это он любит, а его – нет, – загадочно ответила Жеребцова и откинулась на спинку стула, давая понять, что разговор окончен.

– Ладно! – Математик оторвался от журнала и встал. Класс удивленно замолчал: за несколько минут вольности все совершенно забыли о присутствии учителя. – Открывайте тетради, пишите домашнее задание. Начинайте его делать. И постарайтесь не шуметь.

Под удивленными взглядами 9 «А» Юрий Леонидович снова вышел в коридор и прикрыл за собой дверь.

– Во червяки дают! – ахнуло сразу несколько голосов.
– Айда в кабинет химии, посмотрим! – вскочил Махота.
– Вас же просили не шуметь, – замахала на вскочивших мальчишек толстая Светка Царькова.

– Не маши руками, взлетишь! – Майкл скрылся за дверью, за ним побежали еще двое.
Лера снова глянула в окно. Маканина стояла за калиткой и разговаривала с каким-то парнем. Он был заметно выше Олеси, той приходилось заирать голову во время разговора. Темноволосый... Неужели – он?

– Аська, смотри! – потянула Лера подругу к окну. – С кем это там Маканина стоит?

– Это? – Репина повисла на подоконнике. – Ах, это... Ну у тебя и вкус! Это же Пашка Быковский из «Б».

– При чем тут мой вкус? – Лера отстранилась от окна, чтобы Аська не догадалась о ее интересе. Но Репина и не думала ни о чем таком догадываться, хотя полыхающие щеки подруги выдавали ее с головой.

– Да ну, смазливый он какой-то. Наверняка самовлюбленный тип. От таких одни неприятности, – со знанием дела закончила свое описание Аська.

– Ты так говоришь, словно общалась с ним, – поддела подругу Лера, возвращаясь на место.

– Я? С червяками? Никогда! – категорично заявила Репина, косясь на прислушивающуюся к их разговору Жеребцову. Наташка спрятала глаза, хотя на губах ее гуляла довольная улыбка.

– Ништяк! – прокричал Махота, останавливаясь на пороге класса. – Раковину начисто снесло, – принялся докладывать он. – А стекла на полу! Как в посудном отделе. Химичка орет, червяки разбежались. Короче, Людмила сказала, что урока сегодня не будет. Гуляем!

– Погуляешь тут, – проворчала Жеребцова. – Все равно не уйдешь – последний русский.

– А что там, что там? – подскочила вперед любопытная Светка Царькова. Толстая Светка была в общем-то неплохим человеком, если бы не ее феноменальная способность говорить о том, что все давным-давно знают. Она была как тот жираф – все уже все обсудили и забыли, а она долго-долго переваривает информацию и только потом выдает свои глубинные мысли. Ну а если к этому прибавить ее повышенное любопытство – то портрет будет готов.

– Сейчас уже ничего. – Майкл уселся на первую парту, своим задом потеснив отличника Пращицкого, и с невероятно довольным выражением лица оглядел повернутые к нему лица. – Червяки говорят, у них там давно уже что-то творится. А тут Васильев с Галкиным прямо на уроке ругаться стали, вот Галкин и сбросил все пробирки на пол. А одна возьми и взорвись.

– Как это – взорвись? – ахнула Светка.

– А вот так! Что-то с чем-то соединилось, и раковина развалилась на кусочки.

Махота спрыгнул с парты и, не обращая внимания на сыпавшиеся на него со всех сторон вопросы, пошел к своему месту.

– Теперь у них будет две раковины: одна на стене, вторая на полу, – пошутил Ян.

Вообще-то Константинова звали Иваном, даже больше того – Иваном Ивановичем, о чем он сообщил сразу, как только появился в восьмом классе одновременно с Лерой Гараевой. Имя свое он не любил. Слишком уж оно казалось ему простым. Поэтому звал себя Константинов на западно-восточный манер Яном.

– Что же теперь будет? – Царькова больше всех переживала произошедшее.

– Потолок протечет, – отозвался Константинов. Над Светкой в классе постоянно подшучивали. Царькова эти шутки принимала за чистую монету. Вот и сейчас она задрала голову, ища взглядом возможное место подтека.

– А Галкин-то где? – спросила Жеребцова. Наташка никогда не спешила и не лезла вперед, как это делала Царькова. Она умела обдумывать свои вопросы и спрашивала наверняка.

– Да они там все разбежались в разные стороны. – Махота всем своим видом показывал, что выведаль все, что мог, а чего не узнал, о том и знать не надо. – Как бабахнуло, так и дали деру. Там сейчас в классе одна химичка осталась.

– Из-за чего это он? – «проснулась» Царькова.

– Ой, да известно из-за чего, – не выдержала белобрысая Юлька Наумова. – Этот Галкин уже давно за Маканиной бегают, а она от него прячется. И правильно делает.

– Почему правильно? – тут же среагировал Константинов. – Еще неизвестно, кто от кого бегают! Ты эту Маканину вблизи видела? Это же атомная война, с ней рядом стоять страшно.

Услышав знакомую фамилию, Лера вздрогнула. Она не заметила, чтобы Маканина была такой уж безобразной уродкой. Девчонка как девчонка, не красавица, но и не страхолюдина.

– Эй, ты, на себя посмотри! – Наташка Жеребцова развернулась в сторону Яна. С Юлькой Наумовой они дружили, поэтому в постоянных стычках с Константиновым Наташка была на стороне Юльки. – Тоже еще то чучело. Да что ты понимаешь в женской красоте!

– Ой, ой, смотрите! – Юлька Наумова ехидно сощурила глазки. – Сейчас Костик будет рассуждать о женской красоте.

Ян перевел равнодушный взгляд на Юлю. В классе наступила тишина.

Константинов с Наумовой были полной противоположностью. Ян – невысокий, худой, он не мог усидеть на месте, как вечный двигатель, был в постоянной работе. Полненькая Юлька, наоборот, была скупа в движениях. Еще одной ее отличительной особенностью были невероятно светлые волосы. Белыми они у нее были от природы. Несмотря на все анекдоты про блондинок, Юлька душой не была. Наоборот, Наумова была очень умна, наверное, поэтому она не могла пропустить мимо ушей замечания Константинова. Чернявый злой Ян и белобрысая веселая Юлька и минуты не могли находиться рядом. Только необходимость ходить в школу, в один класс, заставляла их постоянно встречаться.

– Ха, так кому еще рассуждать, как не мне! – фыркнул Ян, откидываясь на спинку стула и складывая руки на груди.

– Давай, Янчик, врежь ей, – подзуживали мальчишки, сгрудившись вокруг Константинова.

– Что ты понимаешь в красоте! – отозвалась Юлька, поправляя челку. Светлые непокорные волосы всегда лезли ей на глаза, отчего встряхивание головой стало ее постоянной привычкой. – 90-60-90 – предел твоих знаний!

– Ой, держите меня семеро, – подпрыгнул на своем месте Константинов и перегнулся через парту. – Уж разберусь как-нибудь без линейки. На глаз, – добавил он и выразительно посмотрел на пухлую Юльку. Но Наумова не сдавалась.

– Ну, и кто же, по-твоему, красивый? – Юлька манерно повела плечом и томно прикрыла глаза.

– Не волнуйся, это будешь не ты. – Ян снова откинулся назад. – Не те габариты.

– Что? – ахнула Наумова. – Да ты на себя посмотри! Из-под парты его не видно, а туда же!

– Только дурак считает, что красота – во внешности, – добавила Наташка.

Жеребцову тоже нельзя было назвать красавицей. Маленькое скуластенькое личико, вздернутый носик, смуглая кожа, мелкие кудряшки каштановых волос. Но ее мнения всегда ждали и всегда его боялись – Наташка порой была резка до жестокости.

– Только примитив обращает на внешность внимание. – В свою речь Наташка попыталась вложить все презрение, какое она питала к противоположному полу. Вышло неубедительно. Мальчишки загудели.

– Подожди, подожди! – встряла Наумова. – Ну-ка, Костик, скажи нам, кто из присутствующих полон душевной красоты?

В классе снова замолчали, только на последних партах довольно хихикали мальчишки.

– Есть одна, – со значением произнес Ян, глядя только на Жеребцову, отчего Наташка начала растерянно оглядываться. – Но не у нас в классе, – закончил он.

– Дурак! – зло прошептала Жеребцова, отворачиваясь. – Нашли с кем разговаривать!

– Ну да, на планете Венера, – недовольно поморщилась Юлька. – Сказал бы что-нибудь оригинальное, а то ведь чушь несешь. Красивых у него здесь нет! В зеркало хоть разочек на себя посмотри. Как такое чучело может что-то красивое заметить?

– Ладно, уговорила! – Ян нехорошо улыбался, продолжая почему-то сверлить взглядом только Жеребцову. – Лизка Курбаленко из «Б». Вот красивый человек.

По классу прокатилась волна возмущения.

– Что? – выдохнуло несколько голосов.

– Ну и дурак, – бросила Наумова, возвращаясь на свое место. – Тоже мне, нашел красоту.

– Ничего себе! – с жаром выкрикнула Ася. – Костик, она же из червяков!

Даже мальчишки удивились.

– Ну ты загнул, – протянул Махота. – У нас тоже красивые есть, – пробормотал он, глядя на мыски своих ботинок. Поднять глаза он боялся, чтобы не выдать себя.

– Подумаешь, – гнал дальше Ян. – Червяки – не люди, что ли?

– Не люди, – вдруг поднял голову Пращицкий. Его нелюбовь к червякам была легко объяснима – в классе «Б» обитал Генка Сидоров. И был он не просто отличником, а самым настоящим вундеркиндом, совершенно непонятно почему все еще сидящим в девятом классе, хотя давно уже тянул программу университета. Ему несколько раз предлагали закончить школу экстерном, но Генка отказывался. На соревнования и олимпиады их посылали вдвоем – Митьку и Генку. Выигрывал обычно Сидоров. Пращицкому всего пару раз удавалось вырвать у него победу. И то лишь потому, что Генка во время выполнения задания вдруг начал доказывать теорему не классическим методом, а по-своему. А в другой раз он настолько увлекся спором с преподавателем, что его просто вычеркнули из списка претендентов на награды.

– У нас все красивые! – вдруг выкрикнула Царькова. – А ты, Костик, слепой. И вообще – где твоя солидарность?

– Кто? – презрительно скривил губы Ян.

– Солидарность! – От волнения Царькова покраснела. – Наши всегда лучше червяков.

– Если сравнивать с тобой – то да! – закивал Константинов, и все засмеялись.

На этом тема вроде была закрыта, общий разговор развалился на десяток мелких бесед. Снова стали обсуждать, что же произошло в кабинете химии у бэшек, придумывать, чем себя занять на следующем уроке.

– Вот чучело! – Наумова уселась на подоконник и одернула на коленях юбку – для нее беседа не была закончена. – Как всех развел!

– А тебе хотелось бы, чтобы он назвал тебя? – На щеках Наташки Жеребцовой все еще полыхал предательский румянец: признания Константинова ее тоже сильно задел.

– Ой, ну подумаешь! Костик ничего хорошего сказать не может, – подскочила Аська. Она любила быть в центре событий, поэтому такой разговор пропустить не могла. – Нашла кого слушать!

Юлька смирила презрительным взглядом Репину и фыркнула.

Лера подняла голову от тетрадки. Девчонки стояли рядом с ее партой, и она невольно оказалась участницей их перепалки.

– Больно нужны мне от него комплименты! – буркнула Наумова, старательно делая вид, что ей все равно. – Пусть побережет их. Пригодятся, когда станет грустно, что о нем никто не говорит.

– Слушай, а не все ли равно? – рядом с бурлящей негодованием Юлькой Наташка была само спокойствие. – Подумаешь! Тебя разве волнует, что говорит этот клоун? Да он Курбаленко назвал только для того, чтобы тебя позлить.

- Ой, подумаешь! – не унималась Наумова. – Да кому сдалось это пугало Курбаленко?
- Ему и сдалось, – выразительно закрыла и открыла глаза Жеребцова.
- Ты хочешь сказать?.. – начала Юлька и вдруг застыла, открыв рот.
- Да, – медленно кивнула Наташка. – Это только слепой мог не заметить, что наш Янчик сохнет по Курбаленко.
- А она?
- А что она? – пожала плечами Наташка. – У червяков своих парней хватает. И вообще, сунься Костян к червякам, ему быстро объяснят, что у них там и почему.
- Ну да, – вздохнула Юлька и устала в окно.
- Лера не поняла такого внезапного согласия между подружками и решила спросить:
- А почему он не может туда сунуться?
- Ты как младенец! – снова округлила глаза Наумова, но теперь уже в адрес Гараевой. – Тебе же сказали: у них своих парней достаточно. Кто ж ему позволит за их девчонкой ухаживать?
- На это разве надо спрашивать разрешение?
- Ну ты совсем, – Юлька начала заводится по второму кругу. – Какие разрешения? Они в «Б», мы в «А», вот и все. Между нами – стена.
- А если кто-то кому-то нравится? – наивно спросила Лера.
- Нравится – перенравится, – поддержала подружку Жеребцова. – Пусть встречаются за стенами школы, чтобы их никто не видел.
- Иначе что?
- Иначе морду набьют, – легко, словно это было самым естественным, ответила Наташка.
- А как же школьные вечеринки? – не сдавалась Лера. – Мы же на них все вместе...
- Кто ходит на эти вечеринки? – Жеребцова оттолкнулась от подоконника и пошла к своей парте. – Одни лохи и ботаники. Им необходимо кучковаться. Нормальные люди там не появляются.

Глава вторая

Сплетни и разговоры

- А ты знаешь, почему Наумова бесится? – таинственным шепотом спросила Ася.
- Почему? – Лера списывала из тетрадки пример, и ей было не до репинских сообщений.
- Ей Янчик самой нравится. Вот она и сходит с ума.

Гараева удивленно подняла глаза. День какой-то сегодня, сплошные новости. И вроде осень, не весна, а всех на любовь потянуло.

– Тебя послушать, так у нас не класс, а бразильский сериал. С чего это вдруг к ноябрю все так обвалилось?

– Погода соответствующая, – загадочно ответила Ася. – Холодно, дождь, народ по домам сидит, а чтобы скучно не было, романы заводит.

– Заводят комнатных собачек и грампластинки, – огрызнулась Лера, которой порядком надоели все эти разговоры.

Шуму много, толку мало. Как в девятый класс перешли, так все от этой любви с ума сходить начали. Даже Митька Пращицкий отличился: с ним приключилась кратковременная и страшно неудачная влюбленность.

– Как ты можешь быть такой спокойной! – Репину остановить было трудно.

– А зачем суетиться? – Упражнение не решалось, поэтому Гараева начала злиться и на соседку, и на повальные влюбленности, и на некстати произошедший взрыв в кабинете химии. – Как будто Костик с Юлькой не каждый день цапаются! Пошумят и перестанут.

– Неужели тебе не интересно? – Казалось, Аська сейчас начнет прыгать на стуле от нетерпения. Как это так – столько событий, а подруга сидит, вся такая безучастная, и в окно смотрит! Словно за этим окном что-то может произойти.

– Интересно, что мы будем делать на следующем уроке. – Лера придвинула к себе учебник. – Все, больше мне ничего неинтересно.

На самом деле ей все было очень даже интересно. Последние события наверняка как-то были связаны между собой... Погром в кабинете химии, ее разговор с Маканиной, ссора Яна и Юльки. Еще это внимание к ней темноволосого парня. Как там его? Быков?

Гараева положила учебник поверх тетрадки. Она вчитывалась в хорошо знакомые слова и ничего не понимала. Х с У налезали друг на друга, знак «равно» путался со знаком «больше», латинские буквы теряли смысл. Получалась одна сплошная неразбериха. Как и весь этот день – шум, гам, трам-пам-пам.

М-дя, вот тебе и рифма.

Топот в классе прервал ее тягостные размышления.

– Вставай, пошли! – Репина поспешно собирала портфель.

– Куда? – Лера нехотя закрыла учебник.

– Пойдем посмотрим, что там творится. – Асины глаза горели азартом погони. – Ты что, не слышала? На пятом этаже подрались!

На лестничном пролете между четвертым и пятым этажами толпился народ, так что пробиться вперед и хоть что-то рассмотреть было невозможно.

– Я же говорила, надо было сразу идти! – пыталась просочиться сквозь плотный строй спин низенькая Аська.

По ногам тянуло холодом, видимо, окно на лестнице было то ли распахнуто, то ли разбито. Стоять на сквозняке было неудобно, и Лера пошла вниз. Она уже миновала четвертый этаж, когда среди мелькающих перед ней лиц она заметила Лизу Курбаленко. Ту самую Лизу, которую Константинов назвал эталоном красоты.

Сейчас Курбаленко ни на какой эталон не тянула. Лицо ее было заплакано, нос припух, волосы разлохматились. Она стояла в нише, плотно прижавшись спиной к стене, и покорно слушала, что ей говорит невысокая девчонка с аккуратной прической и изящно накрашенным лицом. Макияж был положен на удивление искусно. Учителя обычно к такому не придираются.

«У мальчишек странное представление о красоте, – мелькнуло в Лериной голове. – На что они смотрят?» Из этой пары лично ей скорее понравилась бы невысокая девчонка. Было в ней что-то, в то время как в Курбаленко чувствовалось больше злобы и напряжения.

Ну, да ладно...

Гараевой не хотелось больше сидеть в школе, ждать невразумительного урока русского языка. Где-то в груди засела непонятная тревога. Переживала она, что ли, за этого неизвестного Галкина? Вряд ли. Какое ей дело до класса «Б»? Ее это совершенно не касалось.

– Аська, я ушла! – крикнула она в сторону увеличившейся толпы. И, не дожидаясь ответа, побежала вниз.

Снег лег на землю ровным мохнатым ковром. На площадке перед школой его уже растоптала сотня ног, превратив в грязную кашу. В вершине берез скрипел первый снегирь. В воздухе отчетливо пахло зимой.

Лера уже не была в том младенческом возрасте, когда каждое лето заставляет напрочь забыть о зиме. Но до сих пор она искренне изумлялась первому снегу, морозному воздуху, застывшим деревьям. В Махачкале все было по-другому, не так красиво, не так празднично. В первый год жизни в Москве она с легкостью могла вызвать из памяти тяжелый, влажный воздух родного города, запах цветущих деревьев с привкусом соленой воды. Сейчас это получалось с трудом – воспоминания постепенно стирались.

Гараева вышла на улицу. Людей видно не было, и это усиливало ощущение фантастичности происходящего. Но очарование это вскоре улетучилось. Леру обогнали, и этот ушедший вперед человек словно унес с собой всю сказочность дня.

Высокий темноволосый парень перебежал дорогу и скрылся за домами.

Лера остановилась.

Ну вот, теперь у нее начались галлюцинации! Это опять он, тот неизвестный, что разговаривал с Маканиной за воротами школы. Как его? Быков?

Или ей только показалось?

Гараева заспешила следом, зачем-то пересекла улицу, прошла между магазином и пятачком детской площадки. Дальше никого видно не было.

Только не надо говорить, что эта история ее хотя бы немного заинтересовала! Нисколько. И вообще, все это больше похоже на розыгрыш, чем на правду!

Лера повернула обратно.

Надо выкинуть эту ерунду из головы. Нечего, нечего! Не хватало еще, чтобы об этом кто-нибудь узнал!

Она вновь перешла дорогу, возвращаясь к тому месту, откуда начала свое преследование. Постояла, глубоко вдыхая пока еще непривычный воздух, рождающий легкое покалывание в носу.

Медленные снежинки кружились, разлетаясь в разные стороны от малейшего движения, холодными иголочками падали на кисть руки. Лера до того засмотрелась на этот завораживающий танец снега, на который всегда в начале зимы обращаешь особенное внимание и тут же забываешь, как только снегопады начинают идти каждый день, что на какое-то время выпала из действительности. Все вокруг двигалось медленно, словно снег грузом лег на секундные стрелки времени, и те притормозили свой бег.

Под ее ногой хрустнул снег.

Лера оглянулась, чтобы посмотреть, какой отпечаток она оставила на асфальте, и краем глаза заметила темную тень.

Секундные стрелки стряхнули с себя наваждение и быстро побежали вперед.

Тинк, танк. Тинк, танк.

По дороге пронеслась машина, разбрызгивая снег из грязных луж. Ворона тяжело сорвалась с ветки и, задевая крыльями макушки деревьев, полетела прочь, оставляя после себя белый вихрь взбаламученных снежинок.

Лера стояла, внимательно глядя назад. Сейчас на дороге опять никого не было.

Но не померещилась же ей эта темная тень! Кто-то шел за ней, причем давно, внимательно следя за тем, что она делает. Настолько внимательно, что успел заметить, как она повернулась, и вовремя спрятался.

Лера двинулась по своим следам в обратном направлении. С начала снегопада по дороге прошло немного народа. Она легко различала свои следы. Вскоре к ним присоединились чьи-то свежие отпечатки. Человек шел сначала вот сюда, а вот здесь бросился в сторонку. Он бежал, загребая снег, – на асфальте остались более глубокие, тяжелые следы с длинным прошаркиванием, – поднимать ноги ему было некогда. Человек очень спешил.

Лера прошла немного по этим отпечаткам, но под деревьями они потерялись, смешавшись со слежавшейся листвой.

Окружающая действительность перестала быть спокойной и умиротворяющей. Снег все еще продолжал шуршать, старательно сглаживая все неровности земли, но за всем этим уже ощущались опасность и неизвестность.

Некто, зачем-то идущий по Лериным следам. Что ему надо?

Или это снова тот самый парень с внимательным взглядом? Почему он ходит кругами? Уж здесь-то, вне школы, можно не прятаться, не скрываться.

Больше Лера по сторонам не смотрела. Дорога теперь не казалась ей сказочно-красивой. Скорее, тревожной. Да и кому это понравится, если за ним ни с того ни с сего станут следить? Пусть даже и мальчишка из параллельного класса.

В подъезде своего дома она все же оглянулась. Детская площадка, засыпанная снегом, была печальна. Белые меховые холмики вместо песочницы и столбиков ограждения рождали грустные мысли.

«Карр», – слетела с качелей ворона.

Лера вздрогнула и шагнула за дверь. Ей не нравилась эта непонятная слежка, этот странный молчаливый день, полный невнятных шорохов и чужих следов.

Большая квартира встретила Гараеву душевной тишиной. Но то была приятная и знакомая тишина. Лера прошла в свою комнату, задернула шторы, включила свет. Стало спокойнее.

Ну вот, теперь можно освободиться от утренних переживаний и заняться делом. До тренировки у нее еще есть время, и она успеет что-нибудь почитать. Лера скользнула пальцами по стопке с дисками, выбрала XVII век: Боккерини. Пока проигрыватель прощупывал вложенный в него диск, Лера сходила в кабинет отца. Принесла том Лотмана, устроилась на диване, положив толстую книгу на подлокотник.

Она еще бегала глазами по хорошо знакомому оглавлению, выбирая, что будет читать, когда в квартире призывно задребезжал телефон. Секунду она злилась сама на себя, что сразу не принесла трубку, – встать и идти к аппарату не хотелось. Наконец, она столкнула себя с дивана.

– Ты куда пропала? – захлебывалась Репина. – Такое творится, а тебя нет! Почему ты на русский не пошла? Химичка задание оставила. Ты слышала? Костик с Юлькой чуть не сцепились. А Жеребцова сказала...

– Что там с химией? – прервала словесный поток подруги Гараева. – Диктуй, я записываю. – Она придвинула к себе блокнот, отчеркнула логотип отцовской фирмы.

– При чем здесь химия! – искренне возмутилась Аська. – Ты знаешь, что у червяков произошло? У них там полкласса выгоняют!

– Так сразу и полкласса? – поморщилась Лера, нервно заштриховывая вензель, украшавший начало страницы в блокноте.

– Ну послушай! – изо всех сил пыталась привлечь внимание подруги Репина. – Как ты можешь быть такой равнодушной! Драка! Розыгрыш! Представляешь? Курбаленко рассказывала Жеребцовой. Та – Наумовой. И уже Наумова – нам. Помнишь, они на каникулы в Питер ездили? Еще нас отказались брать. Ну, там, короче, какое-то дело было. Неважно! Короче, Галкин в Маканину влюбился, а она его послала. А тут еще Васильев с Рязанкиной решили их разыграть. Ну вот, и Курбаленко сказала... Короче, там Сидоров еще оказался. Он как даст Галкину по лицу, тот и отпустил Васильева¹.

Незнакомые и знакомые фамилии горохом ссыпались в Лерину память, не оставляя после себя следа: она всегда плохо запоминала имена. В своем-то классе только через полгода перестала путаться в ребячьих фамилиях. Все остальные учащиеся для нее так и остались темным лесом.

– Что молчишь? – ворвался в Лерины размышления крик Аси. – Я говорю, ужас какой!

– Ужас, – лениво согласилась она.

– А Маканиной – ничего, – все еще бушевала Репина. – Говорят, отец ее отмазал.

Гараева вырвала изрисованный лист бумаги и скомкала его.

– Мне на тренировку пора. – Она снова отчеркнула логотип. – Так что там с химией?

– Стрелять идешь?

Лера поморщилась. С чьей-то легкой руки по классу прошел слух, что она занимается стрельбой, хотя никакой стрельбы и в помине не было. Она занималась спортивным ориентированием на местности. На тренировках их учили читать карту, определять стороны света, разбираться в звездном небе, на силовых занятиях они бегали и прыгали, сдавали бесконечные нормы и зачеты. Раз в месяц, а то и чаще, на выходные они выбирались в лес, до изнеможения бродили среди деревьев, пробивались через буреломы, искали секретники, оставленные тренерами. Лера всегда быстро решала даже самое запутанное задание, ей нравилось читать знаки дорог, разгадывать маршруты, доказывать самой себе, что она сильнее окружающей действительности, что она выйдет из любого, даже самого глухого места. Это была своеобразная игра с установленными правилами и законами природы. Еще дед учил ее ориентироваться в горах, порой на целый день уводя внучку в ущелья в окрестностях Махачкалы. Обычно из этой игры она выходила победителем.

– Иду, только не стрелять, а стреляться, – буркнула Гараева, сминая второй листок. – Ладно, до завтра.

После всего произошедшего химию можно было не готовить. Людмила все равно не сможет нормально вести урок. Если класс разрушен, как рассказывал Махота, то уроки отложатся на неделю. Ну и ладно, химию Лера никогда не любила.

Да, кстати, ее ведь ждет Лотман!

Гараева вернулась в свою комнату. Из колонок звучала мягкая успокаивающая музыка.

Это хорошо. Пусть там, за окнами, идет снег, школа гудит, переполненная новостями, девчонки обрывают телефоны, обсуждая последние события. У нее здесь, за бордовыми шторами, под музыку Боккерини идет совсем другая жизнь. И в своем пространстве она уж как-нибудь сориентируется.

Пришла мать. Было слышно, как она ходит по коридору, щелкает выключателями, шумит водой. Забормотал на кухне телевизор.

Пора уходить. Лера встала, быстро собрала сумку и выскользнула в коридор. Мама промелькнула в дверях кухни. В их семье не было принято лезть в дела друг друга.

---

¹ Об этих событиях читайте в предыдущей книге «Не время для шуток» Е. Усачевой.

Глава третья

Разговоры и встречи

На следующий день Лере хотелось одной прийти в школу, подумать, полюбоваться на выпавший снег. Но около подъезда ее перехватила Ася, и до школьных ворот они дошли вместе. Впрочем, так происходило всегда.

– Ты как? – понеслась Репина с места в карьер.

– Все хорошо, – медленно ответила Гараева, не понимая, что именно подруга подразумевает под этим многозначительным «ты как?».

– Представляю, что сегодня в школе будет твориться! – схватила ее за руку Ася. – Дурдом.

– Там всегда дурдом, – пожала плечом Гараева. – И неудивительно. Как покрасили ее в желтый цвет, так все с ума и посходили.

Ася довольно захихикала. Шутка по поводу цвета школьного здания была привычной. Когда-то оно было белым, но два года тому назад его перекрасили в желтый цвет, чем вызвали недоумение не только у старшеклассников, но даже у малышей.

– А что там Наумова с Костиком не поделили? – вяло поинтересовалась Лера, желая сменить тему разговора.

– Да они на русском сцепились, – отмахнулась Ася, старательно делая вид, что ее это не очень волнует, хотя ее буквально трясло от возбуждения. – Сочинение обсуждали. Дура или нет Татьяна, что отказала Онегину? Мнения разделились.

– Дура, конечно, – хмыкнула Гараева. – Такого парня видного бортанула! Юлька, конечно, была не согласна?

– Да ты что! Они чуть не подрались! А Янчик все твердил, что Юлька в любви вообще ничего не понимает. Что было!

Лера представила себе толстую русичку Галину Георгиевну, пытающуюся рассказать девятиклассникам о любви. На примере бабника Онегина... Да еще этот дурацкий открытый финал, когда муж Татьяны застал Онегина в ее комнатах. Вот это тема!

– Крику столько было! – тараторила Ася. – Завуч прибежала. Сказала, что драк на сегодня достаточно, и отпустила всех по домам. Даже замечание Янчику не сделала, хотя он орал громче всех... На всю школу было слышно. А потом...

– Погоди.

Они уже пересекли школьный сад и подошли к крыльцу, где сегодня на удивление было много народа. Чуть ли не вся начальная школа торчала на крыльце. Малыши с визгом носились в салочки, девчонки ухитрялись прыгать в резиночку и в классики. И вот среди всей этой суеты Лера заметила Маканину.

С их последней встречи прошел всего день, но Олеся за это время сильно изменилась. Она словно похудела и вытянулась, глаза еще больше потемнели, вокруг них залегли круги, словно предыдущую ночь она не спала. Маканина вопросительно смотрела на Леру, точно у нее был к ней вопрос, но она не могла вспомнить, какой.

Ей хочется о чем-то поговорить?

Олеся все еще стояла в немом оцепенении, как будто совершенно не ожидала увидеть здесь, около школы, кого-то знакомого.

– Я сейчас, – шепнула Лера Репиной и шагнула вперед. – Привет! – улыбнулась она.

Маканина ответила не сразу. Еще какое-то время она с удивлением смотрела на Гараеву, а потом сунула руки в карманы куртки, явно собираясь уходить. Вдруг на лице у нее появилась радость.

– Привет, – быстро произнесла она, будто только-только рассмотрела Леру и, испугавшись, что она уйдет, затараторила: – Тебе тут просили передать...

Олеся вынула ладошку из кармана и протянула сложенный в несколько раз листок. Первой мыслью Гараевой было: «Конечно, это ошибка!» Ей никто не мог писать. Да и зачем нужна эта записка, когда к ней в любой момент можно подойти и поговорить? Бред какой-то...

И тут она вспомнила. Быков! За вчерашний вечер он совершенно выветрился у нее из головы. Вот кто не станет говорить, а, скорее всего, напишет.

Сердце громко стукнуло в груди, и Лере тоже захотелось сунуть руки в карманы, но она вовремя остановилась – Маканина еще решит, что она ее копирует. А это сейчас было ни к чему.

– Как его зовут? – решила уточнить Лера. И, уже задав вопрос, подумала, что спросила зря. В письме должна быть подпись.

– Давай, бери! – Маканина нетерпеливо тряхнула посланием, и Лера, наконец, протянула руку. – Павел его зовут. Быковский. Там наверняка все написано.

Ах, Быковский. Как она забавно перепутала. Что же ему надо?

Лера секунду изучала свернутую бумажку, потом быстро посмотрела на Маканину.

– А ты Олеся, да?

Затрезвонил, зашелся в истошном скрипе звонок. Малыши с визгом побежали к школе.

– Олеся, Олеся, – поддакнула Маканина, отворачиваясь.

Гараевой захотелось еще немного поговорить, чтобы эта странная девушка не подумала что-то плохое. Поэтому она шагнула вперед, не давая Олеся уйти.

– Он какой-то странный, ваш Павел, – произнесла она, заглядывая Маканиной в лицо. – Смотрит, а потом убегает.

– Слушай. – Маканина резко повернулась, и Лера сразу пожалела, что заговорила с ней. Сейчас опять начнет орать. – Что ты капризничаешь? Тебе все девчонки нашего класса завидовать будут. Пашка, знаешь, какой классный! И хватит через меня решать свои дела. Разбейтесь дальше сами. Мне не до тебя сейчас! Пока!

Маканина взбежала по ступенькам, хлопнула входной дверью, срывая на ней свое раздражение.

Да, да, надо было спешить на урок. Лера оглянулась, ища Асю. Та широко распахнутыми от удивления глазами смотрела на подругу.

– Ты? С ней? Общаешься? – произнесла Репина таким тоном, словно сейчас перед ее глазами Гараева продала американцам самую большую военную тайну.

Лера секунду смотрела на вытянутое лицо Аси и вдруг побежала мимо нее, мимо крыльца, мимо яблонь и берез, в самый дальний угол школьного сада. Ноги скользили на глинистой земле, так что, не добежав до решетки, она остановилась. Посмотрела на записку, зажатую в кулаке. По оборотной стороне было видно, что написано много, чуть ли не целый лист. Пока она разворачивала это странное послание, с удивлением отметила, что руки ее трясутся, сердце пытается выскочить из груди, а воздуха явно не хватает, так что приходится дышать часто-часто, до головокружения.

Сначала ей в глаза бросилась странная повторяемость букв и знаков вопроса. Лера даже несколько раз моргнула. Наконец, она выбралась из путаницы заглавных букв «Э» и извилистых «ы», и прочитала в верхнем правом углу: «Ноябрь Валерии Гараевой». Ниже с красной строки было четко написано два слова: «Это ты?»

Следующая строка начиналась с того же вопроса. И дальше эти два слова повторялись еще сотню раз, заполняя весь лист. Ни разу рука писавшего не дрогнула и не изменила красивому ровному почерку. Внизу стояла подпись – «Павел Быковский».

– Что это? – Ася тянула шею, пытаясь заглянуть в высоко поднятый листок. – Что там?

Лера смяла записку, быстро глянула на Репину. Мысли в ее голове смешались, она никак не могла понять, что бы это значило. Он что, издевается?

– Ну, что у тебя там? – запрыгала на месте Ася.

– Ничего особенного. – Лера смотрела в раскрасневшееся лицо подруги, сгоравшей от нетерпения, и вдруг поняла, что хотел сказать этот странный мальчик.

Это он так знакомился!

Глупо, необычно, но... Но было в этом способе что-то невероятно трогательное.

– Да нет там ничего. – Гараева расправила скомканный листок и протянула его Репиной. – Ерунда какая-то.

Ася с жадностью вчитывалась в бесконечные вопросы.

– Это же Быковский из «Б»! – ахнула она, встретив первое понятное слово. – А чего он хочет?

– Ничего. – Лера даже не пыталась забрать листок обратно. Иначе у Репиной еще возникнет подозрение, что в этой записке что-то скрывается. – Сама же говорила, что у червяков наступило время шуток и розыгрышей.

– А с чего это они к тебе полезли? – не унималась Ася, изучая оборотную сторону послания. – Зачем Маканина подходила?

– Ты слепая? – Поток вопросов, на которые она и сама не могла ответить, начал раздражать Леру. – Подошла, чтобы записку отдать. Шутят они так. Понимаешь? Шутят!

– Ничего себе шуточки... – Ася потеряла интерес к записке и уже готова была ее выбросить, но Гараева перехватила мятую страничку и бережно разгладила пальцами.

– Каждый шутит в меру своего таланта. – Лера сунула письмо в карман. – Пошли в школу. А то нас биологичка съест.

– Неужели ты это так оставишь? – Репина пылала праведным гневом. – Червяков надо проучить!

– Ты же рассказывала, что они сами себя наказали. – Гараева глубоко вздохнула, прогоняя внезапно накатившую нервную дрожь, и расправила плечи. – Кого-то уже и выгнали... Что стоим? Пошли.

Ася, ожидавшая от подруги каких-то конкретных решений, осталась стоять. Но свалившийся с ветки и попавший ей за шиворот мокрый снег заставил ее двинуться с места.

– Ну как ты можешь так спокойно об этом говорить? – Спотыкаясь и поскальзываясь, Репина заспешила за Гараевой. – Это же хамство – слать такие записки! Да еще тебе. Ты-то чем им не угодила?

– Успокойся! – Лера выбралась на асфальт и о подвернувшийся камешек стала счищать грязь, налипшую на ботинок. – Считай, что никакой записки не было. Мне лично все равно.

– Ладно бы, она никому конкретно не была адресована! – Больше камешков вокруг не было, и Ася просто затопала ногами, отряхивая кроссовки. – А то ведь он именно тебя искал!

Репину порой раздражали удивительное спокойствие и правильность Гараевой. С первых же дней в школе Лера была невозмутима, она не нервничала, как все новички, не пыталась понравиться классу. Уже через неделю эта странность заставила всех ходить вокруг нее, заискивающе узнавать подробности ее жизни в Махачкале, интересоваться, кто ее родители, чем она сама занимается. Несмотря на то, что нарочитая точность и выверенность ее поступков многих выводила из себя, всем хотелось подражать Гараевой.

Будь Репина одна, она бы и не посмотрела, что кроссовки извазюканы в грязи. Пока дойдешь от школы до дома, по уши испачкаешься – не обращать же на такую мелочь внимание. Но рядом с Лерой все хотелось делать правильно. Почистить обувь, прежде чем идти в школу, отряхнуть куртку, поправить прическу, проверить, застегнут ли рюкзак.

Времени от урока прошло много и, по-хорошему, лучше было бы его пропустить. Но с Гараевой можно было войти в любой класс, даже если до конца занятий останется две минуты.

Учителя ей почему-то доверяли. Она им и не врала. Да, задержалась. Но не по какой-то глупой причине – будильник не прозвенел, лифт между этажами застрял или кошку из-под троллейбуса спасала. Нет, нет, все просто. 9 «Б» на крыльце выяснял отношения, и мимо них невозможно было пройти. Пришлось ждать, когда все разберутся по своим делам.

– Да, это ЧП, – покачала головой биологичка, задумчиво глядя в окно. – Так себя вести в школе... – По ее улыбке было непонятно, то ли она говорит серьезно, то ли шутит. – Это же уму непостижимо! Устроить драку! Разбить химические препараты... Если вы в пятнадцать лет так поступаете, что же будет в шестнадцать? А в семнадцать?

– А в семнадцать нас всех в армию заберут, – воскликнул вертлявый Ян. – Там-то уж мы повоюем!

– Вы думаете, это все? – не преминула встрять Ася. – Не все! Они Гараевой записку прислали, с глупостью! И это у них называется – шутки шутить!

– Главное, чтобы не с гадостью, – отозвался Константинов.

– А ты был бы и рад! – крикнула Наумова, и Гараева быстро повернулась – Юлька сидела как раз за ней, поэтому крик больно резанул ее по ушам.

– Что у тебя там? – Жеребцова внимательно смотрела на Леру. Смотрела спокойно, с чувством собственного превосходства, словно имела право знать все, и сейчас ей было удивительно, что кто-то о чем-то ей еще не рассказал.

– Ни-че-го, – спокойно ответила Гараева, отворачиваясь. Аська, конечно, дура, что сказала о записке, но и ей, Лере, сейчас надо повести себя так, чтобы никто не догадался, что на самом деле скрывает это послание. К тому же ей предстояло решить, как ответить Павлу. Подойти на перемене, поздороваться? Изобразить из себя обиженную – мол, ничего не поняла, отстань, что ты от меня хочешь? Поступить надо было правильно, все-все до мелочей просчитав, чтобы ни в коем случае не ошибиться.

Разговор на задней парте отвлек Леру от размышлений.

– Идиот, – зло шептала Наумова, громко, с остервенением листая учебник. – Я его когда-нибудь прибью!

– Сама к нему не лезь, – спокойно отвечала Жеребцова. – Он тебя провоцирует.

– Ладно! – Учебник захлопнулся. – Еще посмотрим, кто кого больше спровоцирует. Урою гада!

– Расслабься. – Даже не поворачиваясь, можно было легко представить, как Наташка сейчас улыбается. Довольно, победно. – Он когда-нибудь нарвется. Если Костик станет вертеться у класса червяков, они сами его растопчут.

– Эх, жаль, Галкина выгнали, – уже более миролюбиво вздохнула Юлька. – Его можно было на что-нибудь подговорить.

– Там и без него есть с кем поговорить, – успокоила подругу Жеребцова.

На душе у Леры стало тревожно. Назревала война, и ей очень не хотелось оказаться в зоне боевых действий.

Глава четвертая

Встречи и ошибки

– Послушай, ты! Заткнись! – шипела Наумова, с яростью глядя на Константинова.

Ян стоял около ее парты и кривил губы в нехорошей ухмылке. Юлькины слова прошли мимо его ушей. У Константинова была поразительная особенность не слышать, что ему говорят, что страшно бесило Наумову. Обычно она была более добродушной.

Ноябрь для девятиклассников оказался роковым. Казалось, что воздух вокруг них наэлектризован. Что-то такое носилось вокруг, заставляя всех более напряженно вглядываться друг в друга, болезненно воспринимать слова, гораздо суровее оценивать поступки. И было уже совсем ясно: драка у червяков – это только начало. Что-то еще ждало их в ближайшее время.

– Что ты на него разоряешься?

В кабинете ботаники ряд парт около окна стоял неудачно, вплотную к подоконникам, так что цветы, все эти лианы и выюны, опускались на тетрадки учеников. Чтобы выпустить соседа, сидящего у окна, крайнему приходилось вставать со своего места. Наташка Жеребцова еще собиралась немного посидеть, списывая лабораторную по физике. Но назревал скандал, и лучше было выпустить закипавшую Наумову, чем выслушивать, как она переругивается с Константиновым через ее голову.

– Нашла с кем связываться. – Наташка встала, отесняя Яна назад, тем самым загораживая его от выходившей из-за парты Юльки.

– Да уж, действительно, развяжи нас, Наташенька, а то у нас самих никак не получается.

– Придурок! – фыркнула из-за Наташкиной спины Наумова.

– А придурок – это кто? – Ян изогнулся, чтобы видеть свою противницу. – Дурак при дураке? Это ты про кого? – И он весело посмотрел на Жеребцову.

Наташка недовольно поджала губы. В отличие от подруги, она была более сдержанной, поэтому промолчала. Сыпать обвинениями друг на друга можно без остановки, а ей еще надо было дописать лабораторную.

Лера тоже стала выбираться из-за парты. Эти вечные глупые препирательства на пустом месте стали ее утомлять. Ругались бы они в другом месте, что ли! На улице, например. Там хоть свидетелей меньше.

– Ой, пошла! – вдруг прокомментировала выход Гараевой Жеребцова. – Записку бы показала.

– Я ее выбросила, – ответила Лера, не поворачиваясь.

Гараева спокойным шагом вышла за дверь, но, как только почувствовала, что на нее никто не смотрит, побежала на лестничную клетку, достала записку и принялась быстро рвать ее. Не хватало еще, чтобы ее кто-нибудь прочитал и догадался, для чего она написана.

– Все не рви, оставь мне! – Пробегаящий мимо Махота попытался выхватить клочки письма из Лериных рук, но только разбросал их по полу.

Майкл помчался дальше. Гараева собрала разлетевшиеся обрывки и оглянулась.

Высокая темная фигура метнулась за поворот и скрылась в коридоре.

– Подожди!

Лера пошла следом. Но в этот момент из класса напротив стали выходить десятиклассники, и за их широкими спинами ничего разглядеть уже было нельзя.

Очередная беготня за тенью напомнила вчерашний день. Все-таки этот парень какой-то ненормальный. Очень хотелось узнать о нем побольше, причем сделать это так, чтобы никто не догадался о причинах ее расспросов. У Маканиной, что ли, спросить? Нет, не пойдет. Глупо одного человека делать посредником обеих сторон. А потом, у Олеси, судя по всему, и своих

проблем достаточно. Как она ухитрилась влипнуть в эту историю с дракой и битьем пробирок в кабинете химии? Это надо постараться – допустить такой скандал.

Лера и не заметила, как в задумчивости прошла весь коридор и остановилась перед кабинетом математики, откуда выходил 9 «Б». Она побежала обратно, очень надеясь, что ее никто не заметил. Сама она старалась ни на кого не смотреть. Но на лестнице чуть не столкнулась с Лизой Курбаленко. Той самой девчонкой, из-за которой вчера в их классе произошел спор о красоте.

– Смотри, куда идешь! – грубо оттолкнула ее Лиза и пошла дальше.

Лера мельком взглянула на нее.

И вот это Константинов назвал красотой?

Конечно, в Курбаленко что-то было – правильные пропорции лица, пышные волосы, хорошая фигура. Но в самом лице было что-то отталкивающее. То ли губы, кривящиеся в недовольной гримасе, то ли раздраженно прищуренные глаза. Лизина красота была скорее неприятной. Янчик в последнее время совсем ослеп. Ставить *такое* в пример!

Лера сделала еще несколько шагов и от неожиданности чуть не полетела со ступенек. Ей навстречу по лестнице шел Павел.

Шел медленно, одним плечом подпирая стену. Смотрел на Леру он весьма внимательно. И было непонятно, чего в этом взгляде больше – удивления от встречи, испуга или радости.

Между ними пронеслась стайка малышей. И когда Гараева снова посмотрела на лестницу, Быковского там уже не было. Он убежал наверх, видимо, боясь, что с ним заговорят.

Сильно опираясь на перила, Лера сошла вниз.

Какой удивительный мальчик! Смотрит, но боится подойти. Даже заговорить с ней не хочет. Чего же он так опасается?

– Ты что здесь делаешь? – налетела на нее Ася. – Заблудилась, что ли? У нас урок на пятом этаже.

– Я знаю. – Было странно видеть Репину возле раздевалки. Делать ей здесь было нечего. Значит, она спустилась сюда специально. Тактак, очень интересно. – Пойдем на пятый.

– Что это ты какая-то загадочная? – Ася скакала через две ступеньки. – Ну что, Быковский больше не приставал?

– Я его не видела, – отозвалась Гараева, догоняя подругу. – Да это и не он писал.

– А, – махнула рукой Репина. – Ты их не знаешь. Может, у вас там, в Махачкале, и не было такого. Но у нас тут все – психи. Так что держись от червяков подальше. Здравее будешь.

– Обыкновенные люди, – пожала плечами Лера и остановилась за спиной у запыхавшейся Аси – ее сил никогда не хватало, чтобы добежать до пятого этажа без остановки. – С чего вы так на них разозлились?

– Да не злились мы на них. – Репина набрала полную грудь воздуха и заспешила дальше.

Лера медленно пошла следом. Она не понимала, почему нельзя идти спокойно? Зачем надо совершать эти сумасшедшие забеги с бесконечными остановками?

– Так уж получилось. Одно слово – червяки. – Репина снова задохнулась и остановилась.

Около кабинета химии она многозначительно хмыкнула. Дверь была закрыта на всякий замок.

– А ты говоришь, червяки, – закатила глаза Ася. – Они кабинет разнесли, и хоть бы что! Вон, ходят, улыбаются.

– Это же, наверное, случайность, – попыталась заступиться за чужой класс Гараева, но Ася так на нее посмотрела, что Лера почувствовала себя неудобно. В конце концов, это были их стародавние дела, соваться в которые ей не стоило.

После довольно суматошного вчерашнего дня сегодняшние уроки шли на удивление тихо. О драке больше не вспоминали. По крайней мере, учителя делали вид, что ничего не произошло. Но в воздухе чувствовалось какое-то напряжение, словно незавершенное дело требо-

вало какой-то итоговой точки. И завершением всему этому должен был стать завтрашний урок химии, стоящий по расписанию у обоих классов друг за другом, вторым и третьим часом. Было понятно, что химию отменят. Но не могли же учителя делать это вечно! Кое-кто – например, Вася Крылышкин и Федя Зотов – уже прицеливался поступать на химфак, им такие пропуски совсем не в радость.

Народ уже готов был делать ставки, какой предмет окажется у одного класса на втором уроке, а у другого на третьем, когда неожиданно объявили, что оба часа у девятиклассников будет физкультура.

– Ха, нашли чем заменить! – Ян даже хлопнул ладонью по столу, чтобы продемонстрировать свою крайнюю степень неприятия этого решения. – Уж лучше бы посадили нас математику делать. Один-Ноль заставит класс вокруг школы бегать, вот и вся физкультура.

Для невысокого худого Константинова уроки физкультуры всегда были минутами позора. На первом же зачете он не смог подтянуться, беспомощно болтался на турникете, пока физрук, еще в стародавние времена за что-то прозванный Один-Ноль, не наградил его снисходительной кличкой Килька и не отправил метать мячик. С мячиком Яну тоже не удалось достойно выступить. Зеленый круглый предмет летел у него в какую угодно сторону, кроме нужной.

– А для тебя, Константинов, я могу устроить персональный урок математики.

Шла перемена, но Леонид Юрьевич все не уходил. Складывал и перекладывал тетрадки, словно оттягивал момент, когда можно сказать: «Все! Прощайте! Идите на следующий урок».

Так Червяков стоял и стоял около стола, задумчиво перебирая листочки, пока в дверях не появилась завуч Алевтина Петровна. Ее строгий взгляд поторопил замешкавшихся девятиклассников. Подталкивая друг друга, они заспешили из класса. Даже вечно копающейся Наумовой пришлось быстренько сложить кое-как учебники, подобрать с пола рассыпанные карандаши и пройти мимо строго сдвинувшей брови завуча.

– Чего это она? – метнулась к застывшим одноклассникам Юлька.

В ответ все только плечами пожимали. Не иначе как вчерашняя драка давала о себе знать.

– Что, что! – Подобралась поближе к Наумовой Светка Царькова. – Ясно, что. Из-за драки все это. Галкин с Васильевым-то подрались! Да и в химии набили на немереные тыщи. Вот они и решают, что теперь делать.

– А мы тут при чем? – Юлька постаралась вложить в свой взгляд все презрение, питаемое ею к толстой Светке. Но на Царькову эти взгляды уже давно не действовали.

– Ну, ты совсем, – искренне возмутилась Светка. – Им что 9 «А», что 9 «Б» – одно и то же. На всех собак спустят. – Вдруг она понизила голос и склонилась ближе к Наумовой: – А ты знаешь, что Галкин это сделал из-за любви? Они с Васильевым Рязанкину не поделили.

Юлька шарахнулась от Царьковой и посмотрела на нее так, словно Светка принесла известие о трех начавшихся мировых войнах и четырех готовящихся.

– Пойдем, что ли, – Наташка потянула подругу за собой, при этом не дав Царьковой развить свою гениальную мысль о невероятных романах в классе у червяков, так что выплескивать все свои знания Светке пришлось на подвернувшуюся ей под руку Асю. Та попыталась укрыться от разговорчивой одноклассницы в обществе Леры. Но Гараева была задумчива и на многозначительные ахи и охи подружки не реагировала.

– Ну, и что мы здесь стоим? – На пороге кабинета математики снова возникла завуч.

Народ молча расступился, давая ей дорогу.

– Не туда! – Смотрела завуч почему-то исключительно на Царькову, отчего Светка покраснела и постаралась сделать вид, что ее здесь нет. – Найдите всех своих и скажите, что через пять минут я вас жду в актовом зале. Юрий Леонидович, – Алевтина Петровна повернулась к стоящему рядом Червякову. – Вы тогда своих тоже приведите на пятый этаж. Я думаю, что пяти минут вам будет достаточно.

– Ну, началось, – всплеснула руками Царькова и побежала к лестнице, словно на нее возложили почетную обязанность оповестить все девятые классы о предстоящем собрании.

– Почему они так к этой драке привязались? – поморщилась Ася, с ненавистью глядя в спину уходящей учительницы. – Прорабатывали бы одних червяков. Зачем им все-то?

– Что ты ворчишь? – раздраженно отозвалась Лера. – Поговорят и разойдутся. Подумаешь, какая ерунда. Ничего ведь никого не заставят делать.

Но на деле оказалась, что никакая это не ерунда: разговор впереди их ждал очень даже серьезный. В актовом зале 9 «А» подтягивался мелкими группками. 9 «Б» пришел весь, в полном составе. Они ввалились шумной толпой и как-то быстро заняли все ряды. Ни в ком из червяков не замечалось и тени раскаяния в случившемся – жизнь в их классе текла так же, как и раньше.

Лера сразу же заметила высокого красивого Павла. Он устроился на первом ряду и стал через головы сидящих рядом с кем-то перекрикиваться. Тихая Маканина расположилась отдельно от всех, заняв крайнее место у окна. Лера напряженно вглядывалась в вихрастую макушку Быковского, ожидая, что он вот-вот оглянется, посмотрит, здесь ли она. Но Павел и не думал поворачивать головы. Он вертелся на своем месте, разговаривал со всеми, кто его окружал, и даже не пытался взглянуть на Леру.

Так, может, письмо было не от него? Возможно, кто-то просто пошутил? И вся эта сложная многоходовка с Маканиной, с тайными расспросами, перешептываниями и переглядываниями, – все это не более как очередной розыгрыш червяков. Шутка, на которые они, как оказалось, большие мастаки.

Тогда выходит, что Репина права и от бэшек ничего хорошего ждать нельзя.

У Леры появилось желание достать злополучное письмо, подойти к тихой Маканиной и вернуть его обратно, с пожеланием, чтобы Павел катился куда подальше со своими глупыми вопросами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.